

Продолжение.
Начало в «РМ» №4151.

Борис Шрагин, Леонид Пажитнов

«Боязнью и жаждой развязки»

Вл. Соловьев и А.Блок

Панмонголизм у Вл. Соловьева — как жестокая и неумолимая сила, которая призвана совершить возмездие над Россией за ее великодержавие, за то, что в ней, как прежде в Византии, «остыл божественный алтарь».

О Русь! Забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Политическая идея стихотворения Вл. Соловьева вроде бы иная, чем в «Скифах». А между тем, в обоих произведениях предощущается глубокое внутреннее родство — настолько значительное, что «Скифы» начинают восприниматься как некоторая вариация на темы Вл. Соловьева.

У Вл. Соловьева тоже «надрыв»: ведь Русь для него бесконечно дорога, самозабвенно любима им. Осуждая ее на унизительную гибель под ногами бесчисленных варварских орд, Вл. Соловьев испытывает боль, далекую от пустого злорадства. Грядущая гибель отечества, которую он пророчит, переживается им как трагедия. И только осознание справедливости того, что может свершиться в истории, выношенная годами ненависть к тем сторонам русской жизни, которые могут повлечь страну к гибели, наполняют строки «Панмонголизма» зловещим воодушевлением. Возникает то раздвоенное чувство, которое выражено в словах, вынесенных в эпиграф: «имя дико», но «ласкает слух»... Дикость и жестокость силы, осуществляющей возмездие, не исключают нетерпеливого ожидания этого возмездия.

Есть очевидная опасность превратного истолкования поэтических строф, когда они высвечиваются лишь с чисто содержательной стороны без учета специфического поэтического целого, из которого изымаются. Наверное, и в данном случае известные искажения неизбежны; мысли Блока и Вл. Соловьева о российском скифстве и об опасности панмонголизма как исторического возмездия в адекватной форме политической статьи или памфлета, возможно, звучали бы иначе. Однако в данном случае, осознавая эту опасность, можно элиминировать возможные искажения, ибо они минимальны. И тот и другой случай — из тех, когда идея стиха явно доминирует над эмоцией, включает ее и подчиняет себе. А рифма и ритм лишь усиливают патетику содержательного призыва и на самостоятельное воздействие не претендуют. Особенно это верно по отношению к стихотворению Вл. Соловьева. Но и чеканные строки Блока, наполняя восприятие апокалипсическим пафосом, работают в абсолютный унисон с содержанием. На смысл поэтика не покушается. Это дает право оба произведения сравнивать и сопоставлять в чисто содержательных аспектах. И если по чисто художественной силе Блок в «Скифах» дает высочайший художественный образец философско-публицистической лирики, несравнимый с зарифмованными строками Вл. Соловьева, то по ясности исторического воззрения он оказывается лишь учеником. В том повороте событий, который предвещает Блок, гораздо меньше исторического вероятия и нравственной оправданности.

И у Вл. Соловьева, и у Блока (а Блок в данном случае полностью принимает концепцию Вл. Соловьева) причиной возмездия выступает утрата способности любить — в одном случае Россией, которая жаждет господствовать над другими народами и стать «третьим Римом», в другом — цивилизованными европейцами. Только Блок имеет в виду любовь-страсть, которая «и жжет и губит», варварскую неумность, при которой любовь граничит с ненавистью.

стью и жестокостью, а у Вл. Соловьева под любовью разумеется христианское единение и всепрощение: «завет любви».

В нравственной философии Вл. Соловьева любовь воспринимается как сокровеннейшая субстанция исторического процесса, которая предопределяет судьбы народов. Только через любовь возникает органическое людское единение, поддержанное не взаимной выгодой и не внешней принудительной дисциплиной, а эмоциональными импульсами, излучающимися из каждого человеческого существа. Охлаждение этого мистически изначального чувства любви к людям неминуемо ведет не только к распаду любого народа как социального организма, но и лишает его той возвышенной идеи, которая только и воодушевляет народы на мужественное отстаивание своего бытия. Иначе говоря, только любовь позволяет ощущать национальное дело как правое дело. Лишь на стороне того правда и право, кто сохранил светоч любви.

Эта фундаментальная идея всечеловеческой любви применяется Вл. Соловьевым прежде всего к России. Он хочет, чтобы именно Россия утвердила за собой в мире роль знаменосца миролюбия и человеколюбия. Но для этого, по мысли Вл. Соловьева, Россия должна преобразиться как в своей внутренней жизни, так и в отношениях с другими народами. Российское самодержавие превращает народ в рабов и, таким образом, лишает русского человека возможности свободно определять свое отношение к собратьям на основаниях любви. Русское православие в национальном чванстве и нетерпимости насаждает ненависть к другим, неправославным народам. Так что перед Россией Вл. Соловьеву видятся два пути, один из которых ведет к величию и

славе, а другой — к позору и гибели.

Приписывая своему отечеству особую, из ряда вон выходящую роль в человеческой истории, видя в русском народе «богоносную» силу, Вл. Соловьев невольно вводил в свою систему принцип, в корне противоречащий утверждавшемуся им космическому человеколюбию. Это неизжитое славянофильство Вл. Соловьева порождало ревнивую потребность выяснять, какой народ более причастен вселенской любви, а какой — менее, чтобы определить, кому из них принадлежит право духовного верховенства в мире. При этом, в сущности, ответ предопределен: либо это будет русский народ, либо грозит общечеловеческая катастрофа. «Скифы» Блока, как нетрудно видеть, полностью лежат в русле подобных решений и представляют собой одну из версий соловьевского понимания истории.

Что касается Вл. Соловьева, то он говорил прежде всего о возможности выбора для русского народа между двумя путями и, следовательно, о необходимости самосовершенствования русского человека, преобразования русской жизни, которое должно избавить ее от всего деспотического, рабского и недостойного. С Востока, из России должен прийти благословенный свет, открывающий новую эру душевности и гармонии. Однако это может произойти в том случае, если Россия сможет преодолеть в себе косность, раболепие, неуважение к человеческому достоинству, на которых зиждется желание властвовать над людьми и народами. Стало быть, в России, стране Востока, с наибольшей остротой должны столкнуться два начала мировой истории: начало любви и начало ненависти, начало сострадания и начало господства — согласно мистической символике

Вл. Соловьева, Христос и Антихрист.

В стихотворении Вл. Соловьева «Ex oriente lux», которое вплотную примыкает по своему содержанию и строю исторического мироощущения к «Панмонголизму», говорилось:

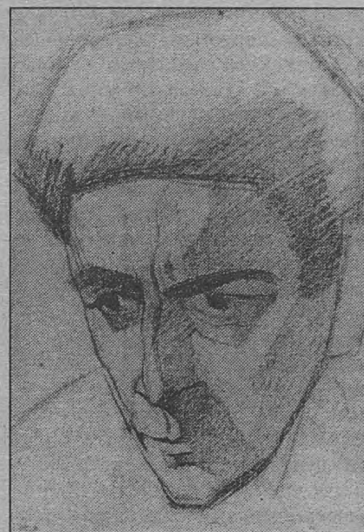
«С Востока свет, с Востока
силы!»

И к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.
Но не напрасно Прометей
Небесный дар Элладу дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

Антихристов соблазн мирового владычества, который также исходит с Востока, может повести в конечном счете только к поражению и распаду, так как, до бесконечности раздувая националистические претензии, он в то же время лишает народ нравственной силы и веры в свою правоту. Посвягая на мировое господство, любой народ неминуемо сам становится жертвой завоевателя. Исходя из этого, Вл. Соловьев и ставил перед своим отечеством альтернативу:

О, Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?

Стихотворение «Панмонголизм» написано в предположении, что Россия не преодолела соблазна и выбрала «Восток Ксеркса». И вот тогда-то она неизбежно становится жертвой монголов, в которых самодержавный принцип Востока, Антихристово начало реализовано в чистом виде, без российской раздвоенности, без всяких колебаний между Востоком и Западом. Вместе с Россией, по убеждению Вл. Соловьева, должна погибнуть и христианская Европа. Стихотворение — своеобразное про-

Ю. Анненков. Портрет А. Блока. 1920.

рочество. Однако мрачный финал истории представляется не как единственная возможность. Поэт как бы предупреждает. Он приоткрывает призрачные дали истории, чтобы наставить людей на путь истинный, отвратить их от нравственно губительного строя чувств, убивающего в них человеколюбие, искренность и братство. Для Вл. Соловьева горячо желаемой целью является не война и мерзость запустения как следствие войны, а утверждение «вселенской гармонии». Ту же цель, по существу, преследует Блок. Его «Скифы» — тоже пророчество. Отсюда и духовная перекличка. Однако Вл. Соловьев старается увещевать своих соотечественников, которых он не считает безнадежно погрязшими в варварстве, тогда как автор «Скифов» адресует свое увещевание к внешнему противнику, и поэтому в стихотворении явственно звучат ультимативные ноты. За плечами Блока — четверть века бурной истории, разгул хаоса, анархии после октября 17-го года. У него уже нет никакого выбора. Двигаясь в символике Вл. Соловьева, он фактически полностью отождествил Россию с антихристовым Востоком: «Да, скифы — мы! Да, азиаты мы...»

Москва

Окончание следует.